

«Скворечник» для жениха

– Здесь поставлю! – Баба Лена тычет кривым пальцем в середину огорода. – Возле межи.

– Баблен, может, лучше в сторонке, поближе к забору...

– Нет, ночью далеко ходить – темно, страшно.

– Мужик ничего не должен бояться!

– Здесь пусть стоит, чтобы из окна было видно, если кто чужой зайти вздумает.

Не понимаю, зачем кому-то идти по нужде в чужой двор, если рядом овраг, уже превращённый жителями окраины в отхожее место? Но не мне спорить, я здесь никто: снимаю у одинокой старушки Елены Иосифовны – бабы Лены, как она сама попросила её называть, – одну из двух комнатух в старом ветхом домишке.

Обстановка более, чем аскетичная: мебели по минимуму, вода – колонка на улице, канализация – каждой даме по эмалированной «ночной вазе» под кроватью. По утрам мы выплёскиваем из тех «ваз» в ямку на огороде. Раз в неделю баба Лена засыпает ямку землей и копает новую.

Средневековых особенностей быта бабушка стесняется, оттого долго не поддавалась на уговоры своей соседки – моей коллеги, не хотела пускать квартирантку. Я же позарез нуждалась в дешёвом жилье. Хозяйка сдалась под горячие уверения, что меня не смутит унитаз системы «горшок» и обещание вести себя тихо, гостей не водить. Я и не собиралась, наоборот, надеялась в скором времени отсюда уехать. В Ставрополь меня насильно «распределили» после института, в Москве остался возлюбленный, и в скором времени я ждала от него предложения руки и сердца...

Обликом баба Лена – вылитая баба Яга: нос крючком, седые кудри торчком, губы провалились в беззубый рот, только большие карие глаза в длинных ресницах, будто с другого лица к ней попали. Однако разглядеть их красоту непросто: и без того маленькая, она сутулится и прячет взгляд.

Мы живём мирно, но на солидной дистанции: ни разу хозяйка не поддержала мои попытки помочь ей по хозяйству или поговорить «за жизнь». Так и уехала бы я, ничего не узнав о ней, кроме имени, если бы не телеграмма из Москвы: «Прилетаю. Дата... Рейс...»

Известие о приезде моего потенциального жениха вызвало у бабы Лены такую панику, словно к ней вознамерился наведаться сам первый секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев. Она переполошилась, заметалась и... потребовала от меня немедленно съехать.

Я упёрлась: найти другое жильё за пару суток нереально, да и зачем? Если бабушка не хочет, чтобы в её доме ночевал мужчина, он будет жить в гостинице.

Не вышло: в ноябре 1980 года в ставропольских «отелях» не оказалось ни одного доступного простому смертному номера.

– Баблен, – взмолилась я, – подозреваю, он хочет сделать мне предложение, потому и решил прилететь на пару дней. Смирный, приличный парень. Возьму у друзей раскладушку, пусть две ночи поспит в кухне. Рано утром, вы ещё не встанете, мы уйдём в город, возвратимся вечером, никакого беспокойства вам не будет, клянусь!

Но бабушка, едва не плача, огорченно покачала головой:

– Нет-нет... а куда же он... куда он *это* делать будет? – она скосила глаза на горшок, предательски высунувший из под кровати белый эмалированный бок. – Нет-нет, неприлично! Не хочу!

Крыть было нечем. Я об *этом* и не подумала.

– Стыдно, – продолжала причитать баба Лена. – Мужчина ведь!

Такого чрезмерного волнения и стыдливости я не понимала, чего уж тут особо позорного, все *это* делают. Да, неприятно, «вазу» мужику не предложишь, но есть же, в конце концов, овраг через дорогу...

После работы я долго металась по городу в поисках места жительства для гостя, но найти ничего не смогла. Вернулась затемно, измученная, голодная и застала хозяйку в компании двух работяг. Они сидели в кухне, что-то обсуждали.

Возбуждённая баба Лена говорила непривычно горячо:

– Да не торгуйтесь сильно, не торгуйтесь, сколько дам, за столько и сделаете, но чтобы хорошо! Послезавтра утром должен стоять! Поняли?

Мужики что-то прогудели в ответ и потопали к выходу.

Заперев дверь, бабушка победно доложила:

– Договорилась. Завтра придут и построят в огороде скворечник. Надо только место определить.

– Что построят?

– Туалет, папа мой его «скворечником» называл. Раньше тут стоял, да сгнил. Мне одной он не нужен был, а так... почему бы и не поставить, пригодится когда-нибудь.

Не слушая ни благодарности моей, ни предложения вложиться в стройку деньгами, она ушла в свою комнату.

Утром мы, как обычно, встретились у ямки.

Оглядев пустое пространство взором императора Петра Первого, выбирающего место для новой столицы, бабушка указала перстом в самый центр участка.

Вскоре подошли строители с досками, инструментами и приступили к делу.

По случаю воскресного дня я не работала, в город не поехала, невзирая на протесты бабы Лены, начала генеральную уборку по всему дому.

Наносив побольше воды, прошла с тряпкой по своей комнате, по кухне, и впервые за три месяца совместного жития вошла в хозяйские покои. Комната чуть побольше моей, узкая железная кровать с никелированными спинками, круглый стол, на стене в старой раме выгоревший чёрно-белый портрет молодого красавца – густой чуб волной из-под казачьей фуражки, весёлый взгляд, твёрдый подбородок, ямочки на щеках.

– Какой симпатичный парень, ваш родственник?

Старушка моё вторжение встретила хмуро, но в ответ на вопрос неожиданно рассмеялась:

– Вот тоже сказала! Это ж артист из кино!

Смеющаяся баба Лена совершенно преобразилась. Стало видно, что она моложе, чем кажется. Беззубая, седая, сгорбленная – да, но не старуха, нет. И карие глаза, когда она их не прячет, красивые, живые.

– Артист? Как его фамилия?

– Не помню. Давно ещё из журнала вырезала. Его уж и нет на этом свете.

– Вы были знакомы?

Елозя тряпкой по полу, я ждала ответа, но баба Лена молчала, опустив голову, и в том молчании чудилась такая боль, к какой походя прикасаться нельзя, можно только ждать, когда она сама попросит выхода. И я тоже умолкла.

Закончив уборку в полной тишине – лишь за окном стучали топоры да переругивались рабочие – я уже собиралась выйти, как услышала глубокий вздох и тихий голос:

– Я этого артиста и не знала. Он на мужа моего похож, потому повесила... Ладно, садись сюда, помянем безвинно убитых...

Я спешно унесла ведро, вымыла руки.

Хозяйка поставила на стол хлеб, картошку, сало, соленые огурцы, самогон – не пьющая, она держала бутылку как лекарство, и плеснула по чуть-чуть в большие гранёные рюмки зелёного стекла.

– За маму мою Фаину, брата Марка, сестру Раечку и мужа Александра, – уточнила баба Лена.

Выпили, не чокаясь. Помолчали.

– А папа ваш, – не выдержала я, – он... как?

– Папа сам умер. Не выдержало сердце ждать когда придут, заберут. К тому всё шло. Сначала нас из городской квартиры в эту хату выселили, потом и сюда уже почти добрались... Только он их опередил, сам ушёл. На тот свет. На рабочем месте прямо, в коровнике, ветеринаром был... До войны ещё... Я только-только школу закончила, к нам на выпускной вечер курсанты приехали, тогда мы с Сашей и познакомились...

Она говорила глядя в угол, словно оттуда смотрели на нас те, о ком рассказ: родители, младшие брат с сестрой, сама Лена – юная жена, её муж – выпускник пехотного училища и женщина в милицейской форме – сотрудница отдела регистрации гражданских актов НКВД, записавшая в их свидетельстве о браке дату: 21 июня 1942 года...

Свадьбы не было. И первой брачной ночи тоже. Не успели. Ничего они не успели, даже сообщить родителям, что расписались тайком.

Его родные были против невестки из бедной еврейской семьи, справедливо опасаясь, что такой брак повредит карьере сына. Её мама и слышать не желала о зяте-военном: он себе не принадлежит, куда пошлют, туда и поедет, а с ним и дочка будет до старости по стране мотаться...

А они любили и с бесстрашием юности не желали признавать никаких доводов рассудка. Пошли да и расписались, пользуясь тем, что получившему предписание офицеру разрешалось не ждать регистрации установленный инструкцией месяц.

Ошарашенные собственной смелостью, счастливые до сумасшествия юные супруги гуляли по городу всю ночь в уверенности: самое главное у них впереди. Скоро они вместе уедут к месту назначения младшего лейтенанта Копылова и лягут в одну постель не в тесном домишке у Лены, где свободного угла нет, и не в коммуналке у Сашиных родителей, а в своей комнате.

Держась за руки, они неспешно шли через весь город на окраину, где жила Лена, когда их настигла война – и развела!

Саша сразу бросился в военкомат, а Лена – домой. Весь день отпаивала маму валерьянкой, успокаивала младших – десятилетних близнецов Марка и Раечку. Так и не нашла возможности сообщить о своём тайном браке. Решила ещё подождать, решила: получит от Саши письмо и скажет: «Смотри, мама, это мне муж прислал!»

Но писем не было.

Измученная ожиданием, Лена поехала на другой конец города к его родителям узнать, нет ли им весточки, сознаться, что вопреки их воле стали они всё-таки родней, прощения попросить. Узнала: Саша погиб в первом же бою. Промолчала, не призналась. И не позволила себе расплакаться при его матери, пережила горе в одиночестве.

А потом пришли оккупанты.

Вот когда Лена порадовалась, что никто не знает о её муже-офицере: семьи красноармейцев немцы уничтожали целиком, безжалостно убивая и стариков, и младенцев.

Она сожгла свидетельство о браке и все фотографии, где был курсант Копылов один или с друзьями. Долго не решалась, но всё-таки отправила в огонь единственный семейный снимок, сделанный уличным фотографом возле загса: Саша в новенькой форме, рядом она в лёгком платье, прижала к губам букетик полевых цветов, над цветами – огромные карие глаза светятся счастьем... Сгорело всё, образ мужа остался только в её памяти.

В августе сорок второго Лену, её маму Фаину и Марка с Раечкой, как тысячи других еврейских семей, фашисты расстреляли во дворе их собственного дома.

Стон за забором услышала соседка. Ночью она вывезла раненую Лену на тачке сначала в овраг, а после спрятала у себя в погребе, где Лена провела пять месяцев, в буквальном смысле не видя света белого.

В январе сорок третьего советские войска освободили город, и она вернулась в свой пустой, холодный дом...

Годы не погасили в ней первой любви: после Саши Лена больше ни разу ни с кем даже не поцеловалась, хотя работала в мужском коллективе диспетчером локомотивного депо.

Жизнь прожила одна – не жена, не вдова, не старая дева.

Стук в дверь возвратил нас в настоящее.

– Иди, хозяйка, принимай работу, – позвали строители «скворечника».

В огороде на фоне чёрной земли, местами припорошённой первым чистым снегом, светился свежеструганными боками роскошный туалет. Но особенно меня потрясло легкомысленное оконце в форме сердечка – как намёк на повод появления мужчины в нашем девичьем царстве.

Баба Лена торжественно навесила на солнечно-жёлтую дверь туалета амбарный замок:

– Чтобы никто чужой не зашёл ненароком. Завтра открою, когда твой жених придет.

Ночью случилось необычное для поздней осени явление: над Ставрополем повис грозовой фронт и аэропорт закрыли.

Мой суженый сделал мне предложение по телефону.

Вскоре я попрощалась со своей хозяйкой, её маленьким уютным домом, портретом неизвестного артиста, похожего на младшего лейтенанта Копылова и девственно чистым персональным «скворечником» для жениха, с которого баба Лена так и не сняла большой чёрный замок.